

Глава 41. Куньлуньский нефрит. Часть 2

Услышав подтверждение Чжоу Фу, Шэнь Цинчжоу бессильно опустил плечи и горько усмехнулся.

— И зачем ты показываешь мне всё это? — растерянно спросил он. — С моими нынешними силами я вряд ли смогу как-то вмешаться в замыслы богов.

Увиденное в небесном своде совершенно не укладывалось у него в голове. Как бы он ни размышлял, он так и не смог разгадать, какую весть пытался донести до него Чжоу Фу. Оставалось лишь списать всё на непостижимые божественные предначертания.

Внезапно небесный свод пошёл зыбью, словно потревоженная гладь пруда. Картина на мгновение исказилась, но быстро вернулась в прежнее русло: всё тот же шумный, суетливый город, однако лазурное небо над ним затянули грозовые тучи, в которых глухо зарокотал гром.

Шэнь Цинчжоу невольно затаил дыхание.

Из клубящихся облаков медленно показалось исполинское существо. Могучее, неописуемо величественное тело, покрытое иссиня-чёрной чешуёй, извивалось в туманном океане.

Зверь будто почувствовал на себе взгляд Шэнь Цинчжоу. Он уставился прямо на юношу золотыми, сияющими расплавленным металлом глазами, пронзая разделявшую их небесную пелену.

А внизу, на земле, люди по-прежнему занимались своими делами, совершенно не замечая того, что творилось в вышине.

— Дракон... — тихо выдохнул Шэнь Цинчжоу.

Чёрный дракон легко, почти невесомо парил среди бушующих туч. Острые когти не источали ярости — в каждом движении гиганта сквозила лишь чистейшая, первозданная святость.

Это был дракон! Настоящий, живой дракон!

Даже когда дракон отвёл взгляд, Шэнь Цинчжоу не покидало странное ощущение: этот зверь всё ещё следил за ним.

Их зрительная связь длилась всего миг, но в глубине души Шэнь Цинчжоу ощутил необъяснимую близость. Это чувство походило на то, что он испытал при виде Алтарной террасы императоров или при чтении «Поэмы о походе» — щемящее узнавание, от которого к горлу подступали слёзы.

Вглядываясь в очертания чёрного змея, Шэнь Цинчжоу негромко спросил:

— Кто он? Кто этот чёрный дракон? Разве я не встречал его раньше?

Ответа не последовало. Прошло много времени, прежде чем Шэнь Цинчжоу позвал снова:

— Чжоу Фу?

Наконец, тот отозвался.

— Подойди.

Всего два слова. Они звучали как приказ, но в них сквозила такая нежность и затаённая, почти смиренная мольба, что у Шэнь Цинчжоу сжалось сердце.

Юноша нахмурился. Голос Чжоу Фу показался ему непривычно слабым.

В памяти невольно всплыли слова Сяо Ли.

«Если настанет день, когда господин Бучжоу скажет, что может покинуть Алтарную террасу... это значит, что он скоро умрёт»

Тогда, на горе Тяньтай, Чжоу Фу явил свою божественную волю, чтобы изгнать Таоте. Считалось ли это уходом с Алтарной террасы императоров?

Охваченный тревогой, Шэнь Цинчжоу поднял глаза. Высоко над небесным сводом возвышался жертвенник, где восседал Чжоу Фу. В этот миг древний алтарь притягивал его с непреодолимой силой, заставляя забыть обо всём на свете.

Пальцы онемели от холода. Сам не понимая как, Шэнь Цинчжоу отошёл от проёма в небе и ступил на каменные ступени, ведущие вверх.

Чжоу Фу по-прежнему сидел на вершине террасы, его длинные волосы тёмным шёлком рассыпались по камням.

Он выглядел точно так же, как в сновидениях, разве что теперь казался более осязаемым. Его черты лица, высеченные словно из сурового гранита, хранили каменное безразличие. Подбрав полы халата, Шэнь Цинчжоу опустился на плиты прямо напротив господина Бучжоу.

Краем глаза он заметил лежащие рядом с божеством книги — те самые, что он когда-то приносил в его сны.

— Как ты себя чувствуешь? — с тревогой спросил Шэнь Цинчжоу, пытаясь разглядеть хоть какие-то перемены на его лице, но безуспешно.

Чжоу Фу застыл, словно услышал нечто совершенно невероятное. Слегка приоткрыв рот, он глупо уставился на гостя.

Шэнь Цинчжоу терпеливо повторил:

— Ты в порядке? Силы, что ты потратил на горе Тяньтай... не слишком ли велика была цена?

Чжоу Фу порывисто покачал головой и поспешно опустил лицо, безуспешно пытаясь сдержать глупую, рвущуюся наружу улыбку.

— Вовсе нет. Я в полном порядке. Тебе не о чем беспокоиться.

— Правда? — Шэнь Цинчжоу прищурился, не веря ни единому слову.

— Чистая правда! Никаких забот! — Чжоу Фу сиял от счастья, на его щеках даже проступил здоровый румянец. Сейчас он выглядел так, будто готов был голыми руками одолеть ещё десяток Таоте.

— Но Сяо Ли говорил... — начал было Шэнь Цинчжоу.

— Да что её слушать? — отмахнулся Чжоу Фу. — Пока Си-ван-му и Да Ли в отъезде, она и сама не помнит, какой нынче день.

И всё же слова маленькой птицы не походили на вымысел. Шэнь Цинчжоу молча всматривался в лицо Чжоу Фу, пытаясь уловить малейшую тень лукавства.

Но взгляд божества оставался до того чистым и искренним, что Шэнь Цинчжоу усомнился в собственных подозрениях и даже устыдился их.

Что ж... перед Чжоу Фу он всегда оказывался бессилен.

Оба замолчали. Чжоу Фу не спешил прерывать тишину — он заворожённо разглядывал складки на одеждах Шэнь Цинчжоу, словно в изгибах ткани была сокрыта величайшая тайна мироздания.

Наконец Шэнь Цинчжоу спросил:

— Зачем ты показал мне этот небесный свод?

Чжоу Фу приоткрыл рот, но нужные слова никак не шли с языка. Помедлив, он тихо произнёс:

— Потому что это то, о чём ты обязан знать.

— Обязан?.. — эхом отозвался Шэнь Цинчжоу. — Ты имеешь в виду Кунью. Это он должен знать.

Чжоу Фу упрямо посмотрел на него:

— Но ведь ты и есть Куньей.

Шэнь Цинчжоу словно лишился всех сил. Он устало потёр переносицу и опустил взгляд. На его губах застыла горькая усмешка.

Чжоу Фу растерянно наблюдал за ним. Он неловко протянул руку к юноше, но тут же отдернул её назад, явно не понимая, почему его слова причинили Шэнь Цинчжоу такую боль.

— Каким... каким я был раньше? — негромко спросил Шэнь Цинчжоу. Лицо его скрыла тень.

— Ты был...

Чжоу Фу осёкся. Он перевёл взгляд с лица юноши на бескрайнее небо.

Для него не существовало разделения на «прежде» и «теперь». Куньей и Шэнь Цинчжоу сливались для него в единое целое. Какая разница, помнит ли он прошлое? Какая разница, как его зовут? Это один и тот же человек.

За тысячи лет Чжоу Фу встречал немало людей, похожих на него чертами лица или статью, но хватало лишь мимолётного взгляда, чтобы понять: все они — чужаки.

Почему? Неужели дело в ауре?

Конечно нет. Пытаясь скрыться от преследователей, Шэнь Цинчжоу постоянно менял облик и ауру. В эпоху Белого Императора Шаохао, во времена Великого Юя, в правление Первого Императора... он искусно подражал чужому дыханию, так что полагаться на чутьё было бессмысленно.

Тогда, быть может, дело в Нефритовой книге Гор и Морея?

Тоже мимо. Нефритовые свитки давно затерялись в уголках этого мира, и пока Шэнь Цинчжоу не приближался к ним вплотную, его тело никак не откликалось на их близость.

Так в чём же секрет? Почему при первой же встрече сердце Чжоу Фу безошибочно указало на него?

Сколько бы божество ни размышляло, ответа не находилось.

Но Шэнь Цинчжоу ждал. Он неотрывно смотрел на него, требуя рассказать, кем же был этот таинственный Куньюй.

Поэтому Чжоу Фу ответил со всей искренностью:

— «Ты — тот, кого невозможно заменить». Так говорили все.

— Все? — переспросил Шэнь Цинчжоу, придав голосу строгости.

Чжоу Фу сжался и робко пролепетал:

— Великий Юй, Тушань Нюйцзяо, Си-ван-му, Луу, Ди-цзюнь, Си-хэ... Я сам слышал, как многие боги и люди повторяли эти слова.

Шэнь Цинчжоу горько усмехнулся:

— Думаю, дело не во мне. Всё из-за Нефритовой книги Гор и Морей. Я — лишь её хранитель. Значение имею не я сам, а древний артефакт в моих руках.

Чжоу Фу лишился дара речи. Он не стал спорить, и Шэнь Цинчжоу расценил его молчание как знак согласия.

— Как я и думал, — юноша прикрыл глаза и тихо вздохнул.

— Ты важен! — вдруг выпалил Чжоу Фу.

Шэнь Цинчжоу вздрогнул:

— Что?

Чжоу Фу посмотрел ему прямо в глаза — на этот раз открыто, без тени привычного смущения:

— Книга ни при чём. Ты важен мне сам по себе.

Каждое слово весило тонну. В них не было фальши — лишь обнажённая, чистая правда.

На этот раз дар речи потерял уже Шэнь Цинчжоу. Он побоялся заглядывать в бездну, скрытую за этим признанием, страхась ответов, к которым ещё не был готов.

— А кроме этого? — поспешно сменил он тему. — Каким был мой нрав?

— Нрав? — Чжоу Фу склонил голову набок. — Да почти таким же, как сейчас. Разве что прежде ты казался куда увереннее в себе.

«Увереннее...»

Шэнь Цинчжоу вспомнил, что некогда Куньюй владел Нефритовой книгой Гор и Морей. Тот бессмертный обладал колоссальной силой, занимал почтенное положение и водил дружбу с древними богами. У него действительно были все причины для уверенности.

Тот великий бессмертный на равных беседовал с легендарными сущностями, свободно странствовал между небом и землёй, умирал мятежи, изгонял нечисть и оберегал покой потомков Яньди и Хуанди.

А когда уставал, мог заглянуть к старому другу на обед, чтобы после трапезы скрестить мечи или побеседовать о вечном Дао.

«Но Шэнь Цинчжоу был другим. Он — всего лишь скромный смотритель Библиотечного терема»

Этот разговор зашёл в тупик.

— Что за место лежит по ту сторону небесного свода? — спросил он, решив переменить русло беседы.

Заметив смену темы, Чжоу Фу тоже заметно расслабился. Повернувшись в сторону светящегося прохода, он неторопливо ответил:

— Это Мир Людей.

У Шэнь Цинчжоу дрогнул уголок рта.

— То, что это людской мир, я и сам догадался. Какая именно это земля?

Чжоу Фу ненадолго задумался:

— Раз там явился Цзулун, то, должно быть, Синтай.

— О каком драконе ты говоришь? И где находится... этот Синтай? — Шэнь Цинчжоу опешил сначала от одного имени, а затем от другого.

— Цзулун. Разве вы не звали его так? — бесхитростно ответил Чжоу Фу. — Синтай... Кажется, сейчас эти земли называют Синчжоу? Там ведь когда-то располагалась резиденция Шацю.

«В седьмой месяц, в день бин-инь, Первый Император скончался на террасе Шацю» — всплыли в памяти Шэнь Цинчжоу строки из «Исторических записок».

Лишь невероятным усилием воли он удержался от того, чтобы не вскочить на ноги. Всё его тело мелко дрожало, а голос сорвался на хрип:

— Тот чёрный дракон... это Первый Император? Цинь Шихуанди?

— Он самый, — спокойно подтвердил Чжоу Фу.

— Он... жив?! — Шэнь Цинчжоу округлил глаза, слова с трудом протискивались сквозь перехваченное спазмом горло.

Чжоу Фу хлопнул ресницами:

— Жив. Вот только... — он замялся на мгновение. — Его нынешнее состояние мало отличается от моего. Разве что ему чуточку легче?

— Так вот почему он показался мне таким знакомым... — потрясённо прошептал Шэнь Цинчжоу.

Он прекрасно помнил воспоминания меча Влекущего Тень: маленького ребёнка, следовавшего по пятам за Ин Чжэном. Кем бы они ни приходились друг другу в прошлом, они определённо были близко знакомы.

Осознав скрытый смысл слов Чжоу Фу, Шэнь Цинчжоу вздрогнул и, указав пальцем на безмятежное лицо собеседника, воскликнул:

— Что значит «его состояние лучше твоего»?! Ты же только что уверял меня, что с тобой всё в порядке!

Чжоу Фу виновато опустил голову и тихо пробормотал:

— Со мной правда всё хорошо... Я лишь имел в виду, что Цзулун гораздо свободнее. По крайней мере, он волен лететь куда пожелает. А я заперт здесь...

Видя, как понурилось грозное божество, Шэнь Цинчжоу понял, что погорячился. Смятение отразилось на его лице — он просто не знал, какими словами унять эту тоску.

В конце концов, помочь Чжоу Фу он всё равно не мог. Юноша даже не догадывался, чем грозит господину Бучжоу попытка покинуть Алтарную террасу императоров.

— А-Чжоу, не сиди так далеко, — пользуясь случаем, подал голос Чжоу Фу.

Шэнь Цинчжоу растерянно моргнул. Переход к другой теме оказался слишком резким.

— Пожалуйста, придвинься поближе. Совсем чуть-чуть, — взмолился Чжоу Фу почти жалобно.

Шэнь Цинчжоу вздохнул, поднялся и пересел.

Теперь они сидели плечом к плечу, устремив взгляды вдаль, на бескрайние снега, окружавшие алтарь, и на темнеющий вдали проём небесного свода.

В этом безмолвном, укутанном белизной мире казалось, что на всём свете остались только они двое.

Чжоу Фу украдкой скользнул взглядом по его лицу и тут же отвернулся, замерев на месте и боясь дажедохнуть.

Так близко...

Божество вдруг вспомнило их тихий шёпот на горе Тяньтай, горячее дыхание Шэнь Цинчжоу на своей шее — и судорожно вздохнуло.

— Значит, Первый Император сейчас в Синчжоу? — Шэнь Цинчжоу старался не терять нити разговора.

— В Мире Людей, — поправил его Чжоу Фу.

Шэнь Цинчжоу недоуменно обернулся к нему:

— Ну разумеется, где же ему ещё... Постой! — до него наконец дошёл истинный смысл этих слов. — Мы ведь под «Миром Людей» понимаем одно и то же?

Опустив глаза, Чжоу Фу пристально разглядывал руку Шэнь Цинчжоу, покоившуюся на его собственном бедре — мизинец юноши едва заметно касался его колена.

— Место, где мы сейчас находимся, зовётся Миром Гор и Морей. А там, за небесным куполом, лежит истинный Мир Людей.

Тихий голос Чжоу Фу прозвучал для Шэнь Цинчжоу подобно раскату грома.

Значит, это место — не земля смертных?

Они вовсе не в Море Людей?!

Шэнь Цинчжоу ошеломлённо уставился в пустоту. Потребовалось немало времени, чтобы этот сокрушительный факт уложился в его сознании.

— Мир Гор и Морей... — медленно проговорил он. — Это как-то связано с древним трактатом «Шань хай цзин»?

Чжоу Фу мягко улыбнулся:

— А-Чжоу всегда был сообразительным. «Каталог гор и морей» как раз и создавался для того, чтобы запечатлеть всё, что наполняет наш мир.

Слова «наполняет наш мир» прозвучали как-то двусмысленно, и в груди Шэнь Цинчжоу шевельнулось смутное беспокойство.

Справившись с волнением, он спросил:

— Но как же Первый Император оказался по ту сторону?

— Когда-то давно Мир Гор и Морей и Мир Людей были единым целым. Но на закате эпохи Троецарствия наш мир окончательно отделился от людского. Цзулун тогда остался на той стороне.

Чжоу Фу говорил искренне, без утайки, делясь сокровенными знаниями.

И перед Шэнь Цинчжоу, точно древний свиток, начала медленно разворачиваться великая тайна ушедших эпох.